

СОВЕТСКАЯ

БИБЛИО ГРАФИЯ

Интеллектуальная культура библиографа

На рабочем столе В.А.Фокеева

Нов ли новый учебник по библиографоведению?

Творческий портрет Ц.И.Грин

Лагерная пресса 1935–1955 гг.

П.Б.Струве: библиографическая реабилитация

Конверсия в зеркале прессы

Арестованы по ордеру Чрезвычайной комиссии

Тихий подвиг (О Б.И.Коплане)

6

ноябрь-декабрь

1991

ВРЕМЯ ДАНО, ОНО НЕ ПОДЛЕЖИТ ОБСУЖДЕНЬЮ...

(К 70-летию со дня рождения Ц.И.Грин)

Годы, а то и десятилетия жанр творческого портрета упорно подтягивался нами к портрету парадному, где каждая деталь биографии должна была занимать строго определенное место. "Сотри случайные черты!" — воскликнул поэт, но в таком портрете и стирать-то нечего было. Не было ничего случайного, ненормативного — был, по сути дела, послужной список с несколькими банальными комплиментами в виде оценки вклада.

40

Уйти от стереотипа? Но куда? Как показать живого человека — ищущего, сомневающегося, страдающего в официальном, так сказать, интерьере научной лаборатории, отдела, кабинета? Честно говоря, не знаю. Дело осложняется еще и тем, что, помимо стремлений и намерений человека пишущего, есть воля и право того, о ком пишут. И если герой "творческого портрета" не пожелает распахивать душу навстречу общественной любознательности — с этим придется считаться.

Я приехала в Санкт-Петербург (еще более обшарпанный и запущенный, чем прежний Ленинград, но это так, к слову), чтобы собрать материал для творческого портрета Цилии Иосифовны Грин, известного библиографа и историка, человека с высоким научным авторитетом, давнего и преданного сотрудника ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Зная лишь скудные биографические сведения и перечень научных работ, я собиралась обогатить поэтику жанра этакой лирической исповедью "О времени и о себе" на фоне библиотечных полок с библиографическими указателями. Однако Цилия Иосифовна дала журналистским притязаниям вежливый и твердый отпор, сказав, что публичные излияния не в ее натуре. От лирической исповеди пришлось отказаться, но я, признаться, не жалею, ибо

наш долгий разговор о материях научных, академических побудил к размышлению и сейчас, по прошествии времени, не забывается.

Я узнала, что Цилия Иосифовна пришла в ГПБ в 1947 г. по окончании исторического факультета, сначала в отделение полиграфии, в иностранный фонд, потом перешла в группу рекаталогизации русских книжных фондов. Через год после славного постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград", асфальтовым катком разровнявшего ниву отечественной культуры. И в самый разгар беспощадной борьбы с безродными космополитами, когда днем с огнем выискивали тех, кто пусть даже во младенчестве хоть раз усомнился в приоритете всего русско-советского над всем западным. Признаться: я не прочь была бы послушать о перипетиях этой героической борьбы в стенах ГПБ, и вовсе не из жажды сенсаций. Пресса все шесть перестроечных лет не дремала, так что в подробностях нашей отечественной охоты за ведьмами нет сегодня ничего сенсационного. Но, справедливости ради, люди, преуспевшие в травле ближнего своего, заслуживают того, чтобы быть названными. Однако моя собеседница предложенной темой не увлеклась, ограничившись лишь констатацией факта: "Да, такие политические кампании разлагали одних людей и проявляли других, подчас с совершенно неожиданной стороны".

Она процитировала строки поэта Наума Коржавина, которые часто вспоминает в последнее время:

Время? Время дано.

Время не подлежит обсуждению.

Подлежишь обсуждению ты,

Разместившийся в нем...

Да, время дано. И тем, кто помнит или знает об общественной атмосфере конца 40-х гг., понятно, почему никакие научные успехи не могли открыть Цилии Иосифовне путь в университетскую аспирантуру. Все решали совсем другие, отнюдь не научные соображения. В эти годы многие талантливые и бесприютные гуманитарии, не прошедшие жесткой анкетной селекции, обрели пристанище в "Публичке". Кто-то из тогдашних остроловов назвал библиотеку "братской могилой университета". Но если серьезно, то не могилой, поглотившей лучшие устремления, стоило бы назвать ГПБ, а экологической нишей, которая, несмотря на тяжелые условия, многим дала возможность профессионально состояться. Грин реализовала эту возможность вполне. Уже в 1952 г., закончив аспирантуру при библиотеке, защитила диссертацию на тему "Мемуарная литература по истории международных отношений начала XX века как исторический источник" и стала кандидатом исторических наук.

Я спросила: а как оценивает она сегодня эту сорокалетней давности работу. Ответ меня, признаться, порадовал четкостью и объективностью оценки. Всю вводную часть, ту, где по жестким неписанным правилам полагалось славить мудрость классиков марксизма-ленинизма и лично товарища Сталина, она считает достоянием того, давно прошедшего времени. А вот содержательная часть (т. е. анализ мемуарных источников) актуальна и сегодня, что подтверждают ссылки на эту работу в новейших научных публикациях. Все расставлено по своим местам. Немногие, замечу кстати, диссертанты начала 50-х могут похвастаться такой долговечностью своих научных изысканий.

41

Не берусь определить, сколько же лет идут споры о том, кто более отраслевой библиографии ценен — выпускник ли библиотечного вуза во всеоружии технологии и методики или специалист-предметник, знающий внутренние закономерности развития науки. Ц.И.Грин изучала технологию и методику библиографирования, уже сформировавшись и определив свои пристрастия как историк, — на Высших библиотечных курсах при ГПБ. Среди таких же людей — ученых, профессионально занимающихся библиографией, — она работала. И.В.Сахаров был знакомом генеалогии, Е.М.Фейнерт — крупнейшим специалистом по истории Испании. Можно назвать и других, опыт общения с которыми убедил ее в том, что библиографические кадры должны подбираться из людей с широким образованием, живущих и библиографией, и интересами своей науки.

Я не хочу перечислять все должности и все участки, на которых побывала Ц.И.Грин за почти 42 года своей службы. Об этом уже писалось и этим отнюдь не исчерпывается ее вклад в библиографическую науку. Гораздо важнее и больше побуждает к размышлениям то, что она, много лет изучавшая все, что связано с классиками марксизма, с трудами В.И.Ленина, не считает себя вправе отвернуться от них сегодня. Не понимает и не принимает той легкости, с которой вчерашние марксисты-пропагандисты растоптали прежних идолов и, как ни в чем не бывало, славят новых богов. Здесь не только нравственная позиция, здесь и позиция ученого. Если как предмет поклонения и восторженного цитирования труды В.И.Ленина и утратили свою привлекательность, то как предмет изу-

чения они стоят в ряду с трудами выдающихся мыслителей человечества, создателей социально-политических доктрин.

Рассудком понимаешь: все эти слова справедливы, наука не должна поддаваться эмоциям и пристрастиям. Но как удержаться в рамках после семидесятилетнего вынужденного молитвенного поклонения? Реакция отторжения естественна, и желание лишиться раз плюнуть поверженного идола по-человечески понятно. Хотя отдадим себе отчет и в том, что никакого отношения к науке новая волна злобного тенденциозного цитатничества, катящаяся сейчас по публицистике, да и по историческим работам, не имеет. И не даст она ни нового осмысления роли Ленина в русском демократическом движении, ни объективной оценки ленинского теоретического наследия. Ц.И.Грин настаивает именно на исследовательском подходе. На том, чтобы в свете сегодняшнего исторического знания и в контексте времени переосмыслить многие положения ленинской теории и то, что непосредственно касается библиографов, — суть ленинского декрета о библиографии.

"Человеку моего поколения сегодня трудно", — сказала Цилия Иосифовна. Нетрудно догадаться, что далеко не все из того, что сегодня говорится, пишется и, главное, делается, ей по сердцу и по нраву. И все-таки она благословляет перестройку. За то прежде всего, что вернула из небытия имена людей ошельмованных и погубленных, за то, что открыла доступ к научным трудам, отсеченным идеологической цензурой, но оставшихся культурным достоянием народа. Какие горизонты это открыло перед библиографами, какой непочатый

край работы! Тут бы впору говорить о библиографическом ренессансе, но Ц.И.Грин произносит другое слово: кризис. В чем она видит его проявления? В том, например, что последние 5-6 лет для библиографии так и не стали по-настоящему перестроечными. По-прежнему сильна и неодолима вера в государственные структуры, в библиографический официоз. Так и не преодолен произошедший еще в 30-е гг. обрыв связей, когда властным решением были ликвидированы библиографические общества и вся любительская библиография как бы поставлена вне закона. Цель этой акции понятна: распространить тотальный государственный контроль на все сферы профессиональной и любительской деятельности. То, что вне контроля, — запретить. Так возник своего рода библиографический "андерграунд", значительный культурный слой, который еще предстоит осмысливать профессионалам.

Характерная и точно подмеченная Цилией Иосифовной деталь: из тех, кто откликнулся на опубликованный работниками ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина призыв (Керзум А.П., Стратановский С.Г. Русское возрождение // Сов. библиогр. 1990. № 5), подавляющее большинство — библиографы-любители.

Но не только вышеозначенные обстоятельства мешают говорить о библиографическом ренессансе. Как же можно по-настоящему осмыслить историю нашей страны — а ведь именно это выдвигается как цель, — если целый массив исторических трудов, за пределами научного обихода в силу известных обстоятельств, так в научный обиход и не введен. А не введен потому, что оперативная реакция библиографов на спрос не получила издательской

поддержки. Так случилось с работой Н.В.Ниткиной, подготовившей указатель русских журналов — "ключ" к русской периодике. Все понятно: и то, что бумага нынче фантастически дорога, и то, что издательства хотят заработать и предпочитают коммерческий "верняк". Но; подчеркивает Ц.И.Грин, умный издатель, старый издатель даже в условиях капиталистического рынка знал, что должен пожертвовать частью прибыли, если речь идет о культурных акциях.

Да, старый издатель заботился не только о прибыли, но и о репутации издательства. Современный по этим позициям во многом проигрывает своим предшественникам и до Сытина едва ли кто-нибудь из ныне здравствующих дотянет. Но не забудем и о читающей публике, о тех, к примеру, ученых, кому адресованы неизданные указатели. Они-то почему молчат? Ведь общественная поддержка той или иной библиографической работы могла бы повлиять на ее издательскую судьбу.

Да, надо признать, что сегодня у Цилии Иосифовны Грин гораздо больше поводов для огорчений и тревог, чем для оптимистических прогнозов. Какое будущее ждет, к примеру, национальную библиографию теперь, когда Союз расплывается по швам? Речь, подчеркивает Грин, не о государственной, а именно о национальной библиографии, т. е. о том, что содержит в себе книжная память конкретного народа. Удастся ли сохранить тот обруч, который стягивал библиографические службы и библиографическую продукцию республик? Мы хлопочем о едином экономическом пространстве, но не пора ли поднять вопрос и о сохранении единого культурного пространства? Суверенитет

бывших союзных республик, а ныне независимых государств не пострадает от того, что библиографическая продукция будет сведена воедино и опубликована в общих сборниках для ознакомления и сопоставления. И сейчас, считает Цилия Иосифовна, очень важно позаботиться о том, чтобы было обеспечено нормальное функционирование культурной информации и внутри, и за пределами бывшего СССР.

Я умышленно бегло излагаю то, что довелось услышать от Ц.И.Грин по поводу состояния и перспектив развития отечественной библиографии. Бегло потому, что надеюсь на реализацию одной из ее идей: провести на страницах нашего журнала широкое обсуждение целого ряда вопросов, связанных с историей, теорией и практикой библиографического дела. В обсуждении, как она полагает, должны принять участие виднейшие библиографы старшего поколения, такие, к примеру, как М.В.Машкова, которой Ц.И.Грин многим обязана в своем профессиональном становлении, а также Г.П.Фонотов, И.В.Гудовщикова, И.Е.Баренбаум. Надеется она и на дискуссионную активность более молодых коллег, в числе которых назвала она прежде всего Г.В.Михееву и В.А.Фокеева. Сегодня мы можем твердо рассчитывать на участие в обсуждении и зарубежных специалистов по русской библиографии, — понятно, что речь идет о таких крупных фигурах, как Симмонс, Казинец, Залевский. Они внимательно следят за всем происходящим у нас, и их суждения по обсуждаемым проблемам наверняка высветят какие-то новые грани. Надеюсь, что такое обсуждение удастся организовать и сама Ц.И.Грин примет в нем самое активное участие, выступив по всему спектру обсуждаемых вопросов.

Я пока не хочу открывать всех ее творческих замыслов, думаю, что по мере реализации их можно будет подробно и обстоятельно представить в нашей рубрике "На столе библиографа". Там будут очень кстати и новые библиографические сюжеты из истории ГПБ, которыми Цилия Иосифовна вплотную занимается сейчас, готовя книгу о связях деятелей российской культуры с Публичной библиотекой.

Провожая ее на пенсию, сотрудники отдела библиографии и книговедения ГПБ сочинили стихотворное послание, которое Цилия Иосифовна отказалась придать огласке, сославшись на то, что там слишком много лестного для нее. Она считает себя администратором старой школы, так как в бытность свою заведующей отделом требовала строгого соблюдения планов и сроков. Но, по отзывам сотрудников, она администратор новой формации, так как не подавляла инакомыслия и считалась с любым аргументированным мнением, каким бы далеким от ее собственных представлений оно ни было. Что ж, она всегда была требовательна к себе и имела право быть требовательной и к другим.

Те, кто знаком только с ее научными публикациями, отмечают тщательность проработки всех позиций, точность формулировок, стремление опереться в выводах на фундаментальную исследовательскую базу. Если выражаться короче и проще, то речь идет о культуре и дисциплине научного мышления. Те же, кто знает Цилию Иосифовну Грин не только по печатным работам или выступлениям на научных семинарах, видят и другое: независимость суждений и твердость в их отстаивании. Поэтому, уже закончив разговор и про-

щаясь, я все же решаю спросить: разделяет ли она сама такую оценку?

Она медлит секунду, потом отвечает: "Не могу сказать, что мне удалось прожить без компромиссов". В подтверждение этого тезиса она достает с полки одну из своих работ — указатель литературы о классиках марксизма-ленинизма времен, как сейчас говорят, расцвета застоя. В последнем разделе, как и положено, перечислены сочинения Л.И.Брежневца, в той или иной степени связанные с темой указателя.

— Этот раздел, — говорит Цилия Иосифовна, — можно спокойно отсечь, он совершенно не работает. У меня был выбор включать или не включать его в указатель. Чего стоят высказывания Л.И.Брежневца, какова их научная ценность, ясно было уже тогда.

— Но без раздела указатель не увидит свет.

— Да, — соглашается она. — Однако выбор оставался, и он был мной сделан.

По-моему, лучше указатель с брежневским довеском, чем без довеска и без указателя. Тем более что "труды" Л.И.Брежневца, как бы то ни было, выражают официальную позицию и, как таковая, она подлежит изучению.

Обычная житейская мудрость подталкивает к такому решению, но, похоже, Цилия Иосифовна житейскую мудрость не очень чтит. У нее иные критерии и иные подходы. Она вспомнила, к примеру, еще один не столь давний случай. Несколько лет назад она не поддержала идею издания полной, без купюр, библиографии по истории Коминтерна, высказанную В.Е.Кельнером. Сочла, что еще не время.

Можно назвать это компромиссом, можно благоразумием или осторожностью, но в любом случае — что здесь такого уж особенного? Ведь ничего...

— Он это помнит. И я это помню.

"... Подлежишь обсуждению ты..." И правила обсуждения каждый сам себе определяет, свои плюсы и минусы сам сводит в единый баланс. А наше владение — свыше сотни печатных работ и те работы, которые еще готовятся к публикации. О них мы, люди, причастные к библиографии как профессионалы или как пользователи, вправе судить, рядить, за них мы выражаем свое уважение и свою признательность автору.

О.А.ПОНЯТОВСКАЯ

Выборочный список работ Ц.И.Грин

1. Ленинский декрет о библиографии как основа советского законодательства об обязательном экземпляре: К истории ин-та обязат. экз. в первые годы Сов. власти // Тр. ГПБ. — Л., 1960. — Т. 8. — С. 27—52.
2. Личные книги К.Маркса и Ф.Энгельса в фондах Государственной Публичной библиотеки: К характеристике библиотеки Н.Ф.Даниельсона. // Там же. — Л., 1962. — Т. 10. — С. 15—32.
3. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкована Щедрина: К 150-летию Библиотеки. 1814—1864 / В соавт. с Н.А.Ефимовой, М.Н.Коноваловой и др. — Л., 1963. — 435 с., 15 л. ил.
4. Пропаганда произведений К.Маркса и Ф.Энгельса и литературы о них в массовых библиотеках: Метод. советы и обзор новой лит. — Л., 1969.

5. Ленин и библиотечное дело // Сборник методических статей по библиотековедению и библиографии. — Л., 1971. — С. 7–32.
6. У истоков библиографической Ленинианы: Из архив. разысканий // Из истории советской книги и библиографии: Сб. материалов по библиогр. и книговедению. — Л., 1974. — Вып. 3. — С. 45–62.
7. Библиография библиографии и ее значение для формирования библиографического репертуара: К постановке вопр. // Некоторые итоги и перспективы развития библиографии в СССР: Сб. тр. ГПБ. — Л., 1977. — С. 6–23.
8. Библиография библиографии на современном этапе // Сов. библиогр. — 1981. — № 4. — С. 11–17.
9. Переводчик и издатель "Капитала": Очерк жизни и деятельности Николая Федоровича Даниельсона. — М., 1985. — 255 с., портр.
10. Основа совершенствования библиографического репертуара союзных республик // Сов. библиогр. — 1986. — № 6. — С. 3–9.
11. "Читаю в Публичной библиотеке...". — Л., 1988. — 141 с.